

С. М. Лойтер (Петрозаводск)

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ «ПРИЧИТАНИЙ СЕВЕРНОГО КРАЯ, СОБРАННЫХ Е. В. БАРСОВЫМ»¹

В середине временного промежутка, разделяющего II и III Рябининские чтения, произошло важное для отечественной и мировой фольклористики событие: в известной серии «Литературные памятники» в двух томах вышли в свет «Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым», подготовленные Б. Е. и К. В. Чистовыми. Известно, что первое издание Барсова ознаменовало собой: 1) «открытие» причитаний как одного из важнейших жанров народной традиции, 2) обнаружение ценнейших текстов и, наконец, 3) «открытие» крупнейшей исполнительницы и носительницы огромного репертуара великой Ирины Федосовой.

Из всех классических сборников «золотого века» русской фольклористики («Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева, «Песен...» П. В. Киреевского, «Песен, собранных П. Н. Рыбниковым», «Онежских былин» А. Ф. Гильфердинга, «Пословиц русского народа» В. И. Даля) «Причитанья Северного края» — единственное собрание, которое ни разу не переиздавалось, хотя с тех пор прошло более 100 лет. Первый том («Плачи похоронные, надгробные и надмогильные») вышел в 1872 году, второй («Плачи завоенные, рекрутские и солдатские») — в 1882-м (оба при содействии и финансовой поддержке Общества любителей российской словесности). Третий том («Плачи свадебные, гостибные, баенные и предвенечные») отдельным изданием никогда не выходил. То, что должно было стать III томом, в незавершенном виде издано в составе малотиражных номеров журнала «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1885. Вып. 3—4) в разделе «Материалы историко-литературные». Следствием этого явилось то, что III том оказался неизвестным даже некоторым фольклористам, среди которых есть и исследователи свадебного обряда. Но так обстоит дело не только со свадебными причитаниями. В научном обиходе исследователей находится всего несколько текстов Федосовой, некоторые используются в неполном виде либо вообще в фрагментах.

© С. М. Лойтер, 2000

---

¹Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: В 2 т. / Изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. Отв. ред. А. М. Астахова. СПб, 1997. (Литературные памятники).

Появление нового, полного, соответствующего современному уровню издания «Причитаний Северного края» Е. В. Барсова насущно и актуально.

Характеризуя научную ценность второго издания «Причитаний...», остановлюсь прежде всего на **корпусе текстов**. Составители, создатели нового издания в полной мере выполнили задачу точного воспроизведения текстов причитаний, записанных от И. А. Федосовой и других исполнительниц.

Первый том второго издания (он имеет подзаголовок «Похоронные причитания») воссоздает то, что содержалось в I томе первого издания: 22 текста причитаний, Введение Е. В. Барсова к I тому, две его статьи «Погребальные обычаи на Севере России» и «Сведения о вопленицах, от которых записаны причитания». В ряде текстов реставрированы некоторые случаи отточий. Реконструированы опущенные в I издании «новгородские строки» (№120—171) «Плача о старосте», атрибутирование и научное обоснование которых — предмет самостоятельных исследований К. В. Чистова, лапидарно изложенных в комментарии к тексту и статье I тома, о которой пойдет речь особо.

Первый том существенно расширен. Введен раздел «Дополнения». В него вошли статья Е. В. Барсова «О записях и изданиях «Причитаний Северного края», о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосниц», «Письмо И. А. Федосовой Е. В. Барсову». Чрезвычайно ценно включение в том «Похоронных причитаний И. А. Федосовой в записях О. Х. Агреновой-Славянской», сделанных собирательницей спустя 20 лет после Барсова (1886—1888 гг.). Среди 9 текстов, записанных Агреновой-Славянской, нет ни одного идентичного тексту в записи Барсова. «Повторные записи» представляют собой важный материал, имеющий непосредственное отношение к проблемам «личного начала» в сказительстве, роли импровизации в причитании как специфическом жанре фольклора.

Текстовой корпус II тома нового издания объединяет два тома первого издания: он имеет подзаголовок «Рекрутские и солдатские причитания. Свадебные причитания». Первая часть тома полностью воспроизводит содержание II тома первого издания: 8 текстов причитаний, предваряющие их посвящение Е. В. Барсова, предисловие Е. В. Барсова и Введение Е. В. Барсова; следующие за текстами статьи Е. В. Барсова «Рекрутский обряд» и «Сведения о вопленицах, от которых записаны причитания»; дополняющие рекрутские причитания фольклорные записи — Рассказы про беглых рекрут В. И. Щеголенкова и Сказка о Солдате и Смерти.

«Свадебные причитания» второго тома в таком целом и законченном составе представлены впервые (выше отмечалось, что отдельным изданием они не выходили и публикация закончена не была). Завершающий текст «Плач невесты-сироты» в первом издании отсутствовал. Его включение составители мотивируют широко бытовавшим обычаем посещения невестой-сиротой могил родителей. Они высказывают предположение о пудожском происхождении этого текста (верность такого предположения

подтверждает мой собирательский опыт начала 1970-х годов в Пудожье, когда было записано несколько, в том числе два в поселке Бочилово, причитаний невесты на могиле родителей) (см. Приложение).

Свадебные причитания II тома нового издания — это не имеющий аналогов в русской и европейской фольклористике свод севернорусских свадебных причитаний в их обрядовой последовательности заонежско-пудожской типовой схемы. Их дополняет и комментирует статья Е. В. Барсова «Свадебный обряд в Заонежье» и публикация шести свадебных песен.

Воссоздание корпуса текстов в новом издании «Причитаний...» неотделимо от **текстологического редактирования**. И в этой связи нельзя не сказать об огромной исследовательской работе составителей второго издания в области теории и практики текстологии фольклора (см. отдельные работы и доклад «Проблемы фольклористической текстологии в связи с изданием «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым» в серии «Литературные памятники» на XII Международном съезде славистов в Кракове), о той «текстологической экспертизе», которая предшествовала каждой из публикаций причитаний.

Текстологическое редактирование осуществлялось в разных направлениях. Это и устранение искажений, ошибок, отдельных поправок, замена устаревших норм орфографии и пунктуации современными. Это и корректировка названий отдельных причитаний с целью максимального соответствия их содержанию. Заменены названия причитаний № 6,7,8,12 I тома. Так, текст № 6 называется «Плач по племяннице, после которой остались малые дети»; в первом издании было «Плач по жене, если дитя останется ребенком»: старое название не отражало того, что в причитании покойную оплакивает ее тетка. Текст № 7 в новой огласовке «Плач сестры по брате и матери по сыне»: название «Плач по сыне» не отражает первой части плача. Даны названия причитаниям № 2,3,4,5,7,8 из II тома: только два причитания — № 1 («Плач по холостом рекруте» Ирины Федосовой) и № 6 («Плач по рекруте женатом» Ирины Федосовой) — имели названия, перед остальными указывалось лишь имя исполнительницы и не называлось, кого она оплакивает, по какому поводу.

Внесены изменения в ремарки внутри текстов: например, в I томе текст № 6 (с. 80—85) вместо «К невесткам» добавлено «К невесткам покойной», так как неясно, о чьих невестках идет речь; было «К отцу», стало «К мужу покойной»; было «Мачеха-соседка», стало «Соседка, у которой есть неродные дети». Таких уточнений в ремарках множество: Т. I. С. 46, 84, 124, 133, 143, 168, 179 и т. д.; Т. II. С. 50, 52, 56, 64, 76, 89, 91, 92, 98, 102 и др.

Все без исключения поправки, изменения обозначены звездочкой и оговорены в отдельном специальном комментарии к каждому тексту, где указаны страница и номер стиха (см. Т. I. С. 324—334; Т. II. С. 503—509). Читателю предоставляется возможность принять или отвергнуть предлагаемые поправки, сопоставив их с воспроизведенными соответствующими

строчками в том виде, в каком они были напечатаны Барсовым. Указаны различия.

Но совершенно особое место и ценность приобретает в новом издании «Причитаний...» текстологический комментарий, относящийся к сфере герменевтики, обоснованному истолкованию и прочтению **каждой строки** фольклорного текста и статей Е. В. Барсова. Тексты, записанные в основном на заонежском диалекте в его архаических и бытовых вариантах, получают детализированное многоаспектное объяснение, то, что В. М. Гацак определил как «текстологическое постижение многомерности». Комментарии — лингвистический, исторический, этнографический, мифологический, юридический, экономический, социологический, культурологический, поэтический, литературоведческий — репрезентируют самостоятельно и в синтезе, если это диктуется необходимостью. Нередко комментарий к двум-трем строкам превращается в самостоятельное небольшое исследование со многими параллелями и обязательными библиографическими ссылками (например, Т. I. С. 340, 341, 344, 351 и др.). Комментируются события из истории крестьянства, сведения о реформе государственных крестьян, факты и события микроистории Заонежья, отношения внутри крестьянской общины и крестьянской семьи. Выделяется и комментируется каждый традиционный мотив причитаний, приводится аналогичный вариант в других плачах Ирины Федосовой и параллели из записей других исполнительниц XIX—XX веков. Мотивный анализ соотнесен с Указателем мотивов Е. Mahler Die russische Totenklage (Leipzig, 1936) и перечнем-характеристикой мотивов Г. С. Виноградова в книге «Русские плачи Карелии», составленной М. М. Михайловым (Петрозаводск, 1940). Устанавливаются мотивы, сходные с мотивами былин, баллад, сказок, заговоров, исторических и лирических песен. Все это подтверждается цитируемыми текстами. Определяются и комментируются случаи использования пословиц (в основном по В. И. Далю) в поэтике причитаний.

Тщательно и скрупулезно (со всеми параллелями) выявлены реминисценции из причитаний Федосовой в произведениях Н. А. Некрасова, П. И. Мельникова-Печерского. Названы многочисленные фольклорные параллели на уровне цитат, реминисценций, стилизованных пассажей, адаптированных слов.

Непосредственным продолжением текстологического комментария является статья К. В. Чистова «„Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым“ в истории русской культуры». Фактически это третья монография автора. Первая «Народная поэтесса И. А. Федосова» (Петрозаводск, 1955), являясь очерком жизни и творчества вопленицы, устанавливала связь ее причитаний со всем укладом севернорусской деревни, исследовала художественный мир причитаний, особенности поэтического языка, границы и механизм личной свободы в импровизациях. Вторая книга «Ирина Андреевна Федосова» (Петрозаводск, 1988) ставит творчество Федосовой в широкий

историко-культурный контекст, что позволяет К. В. Чистову назвать Русский Север «зоной особой развитости причитаний». В том, что это так, я, как и мои коллеги-фольклористы, убеждались в своих экспедиционных поездках в 1970—1980-е годы, делая многочисленные записи причитаний. Они напрямую связаны с проблемой «вторичной архаики», о которой пишет К. В. Чистов в своей книге. Нельзя не сказать о значении книг Чистова в осознании общественностью, образовательными и культурными учреждениями Карелии места и роли их великой соотечественницы в истории русской и мировой культуры. А это способствовало увековечению ее имени: оно присвоено одной из улиц Петрозаводска, Медвежьегорской библиотеке; в заонежском селе Кузаранда установлен памятник Федосовой, на здании бывшей женской гимназии по улице Кирова — мемориальная доска в ее честь, ее имя будет присвоено одной из заонежских школ.

Названная в конце I тома статья К. В. Чистова, вобравшая в себя новые архивные материалы, факты, документы,—новый этап в исследовании причитаний и творчества И. Федосовой рассмотренной в контексте актуальной для современной фольклористики проблемы «сказитель» и «личное начало». В содержащуюся в статье биографию Федосовой внесены коррективы, связанные с установлением научным сотрудником музея-заповедника «Кижы» С. В. Воробьевой точной даты рождения. Расширена, углублена, дополнена новыми гранями, освобождена от отягощавших ее политических оценок научная биография Е. В. Барсова. Статья послесловие в I томе в совокупности с текстологическим комментарием, всем научно-вспомогательным аппаратом издания — по существу, новое комплексное исследование творчества Федосовой и причитаний, их роли для понимания менталитета крестьянства; исследование по истории, быту, народной культуре Заонежья. Широкий спектр востребованной составителями литературы, обращения и отсылки к многочисленным отечественным и зарубежным источникам, в том числе самым новым, библиографическая оснащенность чрезвычайно «питательны» (Ю. М. Лотман) для будущих исследователей, перед которыми ставятся новые задачи и проблемы. Невозможно не заметить внимательнейшего отношения составителей к работе коллег, начинающих, в том числе из провинции, и известных. (В этом ряду стоит прекрасное посвящение «памяти выдающегося исследователя русских причитаний, замечательного филолога и нашего дорогого учителя профессора Марка Константиновича Азадовского»).

Смею утверждать, что ни один из классических фольклорных сборников не имеет такого многопланового, комплексного, тщательного и глубокого комментария, как новое издание «Причитаний...» Барсова. Безусловно, это обеспечено тем, что изучение причитаний, творчества Федосовой — главная, сквозная тема всей научной деятельности К. В. Чистова. Первая публикация о Федосовой появилась в 1947 году. Затем последовали многочисленные статьи, книги, доклады (некоторые уже назывались), публикации текстов, среди

которых том «Причитания» в Большой серии Библиотеки поэта (Л., 1960), «Избранное» И. А. Федосовой (Петрозаводск, 1981). «Русская обрядовая поэзия» (Л., 1981). Не случайно в двухтомнике все, кроме статьи «Язык «Причитаний Северного края», написанной известным ученым-лингвистом А. С. Гердом, выполнено, истолковано, объяснено составителями. Гигантская текстологическая и исследовательская работа. Поистине «пожизненность задачи, возрастающей в заветы дней» (Пастернак). И в этом истоки того высокого уровня, на котором подготовлено новое издание «Причитаний Северного края».

Второе издание «Причитаний...» — это «возвращение» одного из крупнейших в мировой науке собраний фольклорных текстов. Это «возвращение» Ирины Федосовой — одной из самых талантливых народных поэтесс, оказавших огромное влияние на литературу и искусство XIX—XX веков. Представленное во всем объеме наследие Федосовой позволяет осознать ее неповторимость и уникальность в русской плачевой традиции, которая не знает равных ей. И это проявляется уже в монументальности причитаний Ирины Федосовой. Они несопоставимы с плачами других исполнительниц. Фольклористика попросту не знает более монументальных плачей. Во II томе помещены «Плач по холостом рекруте» И. Федосовой — 2595 стихов (61 страница книжного текста) и рядом «Плачи по холостом рекруте» Марьи Федоровой (75 стихов), святозерской крестьянки (55 стихов) и Ирины Калитиной (80 стихов). 3000 стихов (65 страниц книжного текста) занимает «Плач по рекруте женатом» И. Федосовой и здесь же «Плач по рекруте женатом» Афросиньи Ехаловой (250 стихов).

Плачи Ирины Федосовой — не просто плачи, а плачи-поэмы, в которых она обнаруживает незаурядный дар повествователя, владеющего мастерством строить сюжет. Человеческая жизнь в изображении Федосовой разворачивается в богатую художественными подробностями драму, в которой принимает участие множество людей, иногда вся земля и небо. И плакальщица, говоря от лица каждого, причастного к этой драме, проявляет удивительную способность понять его душевное состояние, психологически передать его боль, страдание, тревоги. Опираясь на традицию, творя в ее русле, Ирина Федосова обнаруживает колоссальный талант импровизатора. Сила ее поэтического мышления, ее поэтическая энергия таковы, что она создает выразительные, яркие художественные обобщения, такие как «новгородская» социальная утопия, легенда о происхождении Горя и «пролог в небесах». Говоря от лица простой крестьянки, разделяя ее горе, Федосова настолько полнокровно отразила мир женских переживаний и чувств, что можно говорить о том, что ее устами «заговорила» в русской народной поэзии женщина, что она, как никто, выразила самосознание русской женщины-крестьянки второй половины XIX века. И в этом смысле она предтеча великих поэтесс, выразивших самосознание женщины первых десятилетий XX ве-

ка, — «Музы плача» Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, поэта менее известного, но большого таланта — Марии Петровых.

И еще одно «возвращение» — первооткрывателя Ирины Федосовой, первооткрывателя жанра, который в 60—70-е годы XIX века не имел даже установившегося названия, — Е. В. Барсова. Он один из первых в русской фольклористике сделал попытку исчерпать репертуар одного исполнителя. Издание «Причитаний...» со всеми дополнениями, которые уже назывались, в полной мере раскрывает незаурядный талант Барсова-собираателя, сумевшего так расположить к себе Федосову, что их совместная работа продолжалась более двух лет. Затрудняюсь назвать другой такой пример длительного, постоянного общения собирателя и сказителя. Барсов — фольклорист-исследователь, автор глубоких, отличающихся широтой взгляда статей, в том числе и первого регионального обобщения о причитаниях. Барсов — издатель трехтомного сборника, состоящего преимущественно из записей одного исполнителя.

Второе издание «Причитаний Северного края» аккумулировало творчество и научную деятельность трех Мастеров: Мастера-сказителя, художника, поэта, Мастера-собираателя, первооткрывателя, издателя, Мастера-ученого-исследователя. Вот такое замечательное сопряжение, триединство: Федосова — Барсов — Чистов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приведу плач невесты-сироты, записанный от Татьяны Ивановны Плешковой (1903—1974). Родилась она в деревне Филимониha на Пудожье, там прошли ее молодые годы. Затем многие годы до самой смерти жила в поселке Бочилово Пудожского района, где состоялась моя встреча с этой незаурядной исполнительницей причитаний и многих других жанров фольклора. Записывали ее (я и В. Вахрамкова, студентка филфака Карельского пединститута) 19—21 июля 1971 года и повторно 7 июля 1972 года. В ее очень пространном рассказе о свадьбе множество «заплачек», относящихся к разным моментам свадебного действия, но во всех них сквозным является мотив сиротства. Непосредственное обращение невесты к умершим родителям в предлагаемых двух «заплачках».

Пришли двоюродны сестры. Я и говорю: «Сводите меня, девушки, на крыльце. Я понаказываю родителям».

Как задушевы красны девушки,

Как подружки мои милыи,

Извозчицьки умильнии,

Вы сводите меня, девушку,

На родительську на буёвку,

На могилку чловичиську,

Как к сердечным родителям:

*К своему кормильцю-батюшку
Да к родительке-то матушке.
Не впервы да не в последний
Съезжу девушка к родителям,
 Попрошу я дозволеннице
 На судимую сторонушку
 Своего благословеньца.*

Приехали на кладбище, туда. Коней останавливать — я и заплакала.

*Как устойтесь-ко, добры кони,
 Да вы держите-тко извозчицьки,
 Не звоните, колокольчики.
 Подружки мои милы,
 Вы не пойте жалких песенок.
 Я схожу да красна девушка
 Как со баженой дорогой волей —
 Мне последний день гуляньце,
 Последний с волей красованьце.
 Доложу я красна девушка
 Своим сердечным родителям,
 Что без вас я думу думала
 Да и без вас мы дело сделали.
 Я не ладно это сделала —
 Немножко ошибилася,
 Как на словах проговорилася,
 Без сердечных родителей.
 Не светла свечка топилася,
 Как перед чудным перед образом
 Да перед деревом кипаричневым.
 На стены не вси святители,
 Да во дому не вси родители —
 Нет сердечных родителей.
 Моя свадьба не господьская,
 Я ведь девушка сиротьская.
 У мня горюшка три морюшка,
 Слез горючих три озерышка.
 Только ты, кормилец-батюшко,
 Дай благословеньце
 На судимую сторонушку.
 Дайте ума-разума,
 Чтобы жить мне, красной девушке,
 За чужим за чужаниным
 Да за молодым за молодецьким.*